

НЕМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Р.В. ГУРЕВИЧ

«ОНА СТАЛА ДЛЯ ВСЕХ ВСЕМ»: ХИЛЬДЕГАРДА БИНГЕНСКАЯ¹

VIII. ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА

<...> Великое множество ее советами от телесных недугов пользовалось <...>. Немало было также и тех, кои ее благословением от недугов сих освобождены были <...>.

Житие св. Хильдегарды, кн. 2, гл. 4, с. 75

В свое время слава Хильдегарды-целительницы была так же велика, как и ее известность пророчицы и провидицы. В ее врачебной деятельности можно выделить две стороны. Первая та, что стала достоянием легенд и сказаний о Хильдегарде-врачевательнице, творившей чудеса, дававшей силу слабым и недужным, излечивавшей одним лишь своим прикосновением, «возложением рук» на больного; возвращавшей людям зрение и поднимавшей их на ноги с одра смерти своим благословением и молитвой. Многие страницы ее жития расцвечены простыми и трогательными историями о чудных деяниях благословенной девы Хильдегарды. Рассказывают, что ее чудный дар исцеления «сиял в ней» с такой силой, что страждущему стоило лишь обратиться к ней, и он «в сей же час обретал сызнова свое здравие». Житие благоговейно сообщает о многочисленных случаях излечения от слепоты, падучей (эпилепсии), от хронического кровотечения и лихорадки. Одно из этих повествований, окрашенных безыскусным чувством народной любви к «доброй матушке-аббатисе», поведало об исцеленном ею слепом мальчике: как плыла однажды Хильдегарда на челне по Рейну, как увидела ее женщина со слепым ребенком на руках; как приблизилась она к челну и молила со слезами на глазах благословенную деву «возложить святыя руки свои» на слепца; как Хильдегарда, имея в помыслах своих Христа, зачерпнула левой рукой воду из реки, а правой благословила незрячего и окропила затем водой глаза его; как свершилось чудо и с помощью Божией мальчик вновь обрел зрение.

В соответствии с традицией, житие изображает целительный дар Хильдегарды, основанный на ее избранничестве, всемогущем, действующем даже на расстоянии. Именно так проходило излечение одного больного, годами страдавшего от удушья. Он сам не смог прийти к аббатисе за помощью, но, получив через своего друга воду, освященную ее благословением, и выпив ее, он тотчас же освободился от жестокого недуга. Точно так же удалось Хильдегарде вылечить некую благородную девицу, иссыхавшую от любовных чар. Родители несчастной обратились за советом к аббатисе, и та вместе с благословением послала хлебца, окропленный своими слезами; отведав его, девица сразу же стряхнула с себя любовное наваждение. Как водится, чудодейственной силой обладало все, что имело касательство к Хильдегарде, – ее платье, ее волосы. Не удивительно поэтому, что во время отлучек Хильдегарды исцеление больных брали на себя монахини ее двух монастырей и успешно излечивали их, прикладывая к больным местам волосы или кусочки одежды аббатисы.

Народ верил, что аббатиса не только исцеляла, но и охраняла от житейских невзгод и опасностей. Житие рассказывает о некоем молодом человеке Рудольфе, как-то заночевавшем в чужой деревеньке. Перед сном он в молитве обратился к Хильдегарде-заступнице с понятной по тем беспокойным временам просьбой не оставить в беде. Его голос был услышан. Хильдегарда, явившись ему во сне, предупредила об опасности, ожидающей Рудольфа и его спутников, и порекомендовала немедленно покинуть ненадежный кров. Рудольф и часть его товарищей, не мешкая, покинули негостеприимное место; те же, кто остались, потом горько раскаивались в своем неверии, ибо утром на них напала шайка лихих людей.

Высок был авторитет Хильдегарды в исцелительной деятельности, которая столь ярко и специфически окрашена духом средневековой эпохи, что и исчезла вместе с нею: речь идет об изгнании бесов. Понятен наш скепсис по отношению к такого рода «медицине», но, рассказывая о выдающейся личности, жившей в определенном веке, нельзя не упомянуть и о бремени времени, о его тисках, о его «гримасах». Для Хильдегарды дьявол, играющий на человеческих слабостях, – повседневная реальность. В своих книгах видений она, изобличая его козни, указывала, что центр борьбы между Богом и дьяволом переместился на землю и ведется за душу человека. Сложность проблемы, как мы помним, вытекает из «фаустовской» постановки проблемы: Бог позволяет бесу искушать человека. С одной стороны, он таким

---

¹ Для настоящей публикации взяты две главы из рукописи книги.

образом испытывает и укрепляет человека, с другой, – полагается на то лучшее, что есть в нем, что роднит человека с его Божественным образом и подобием. Изгоняя бесов из одержимых, выполняя свой человеческий и пророческий долг, Хильдегарда ведет свою, индивидуальную битву с дьяволом. В свое время много шума наделало излечение Хильдегардой одной женщины из Кёльна – факт, засвидетельствованный не только автобиографическими записками самой Хильдегарды, включенными в житие, но и письмами современников². Остановимся и мы на данном эпизоде. Речь идет об одержимой бесом благородной даме Зигвице. Как свидетельствует Хильдегарда, в течение семи лет злой дух, вселившийся в несчастную женщину, терзал ее душу, разум и тело. Были испробованы все средства, одержимую возили по всем наиболее почитаемым монастырям, но все оказалось безрезультатным, пока в одном из монастырей бес вынужден был признать: живет на верхнем Рейне одна старуха – она и только она может изгнать его. Зовут ее, глумливо хохотнул нечистый, намекая на возраст почтенной аббатисы, Морщиногарда. Настоятель монастыря незамедлительно обратился к Хильдегарде с личным посланием. Хильдегарда, движимая состраданием и жалостью, испросила совет у Неба, и в очередном видении ей открылась сущность самых различных злых духов, мучающих людей. Дух, засевавший в Зигвице, был особенно коварен, он заставлял злосчастную произносить святотатственные речи и изыматься над христианскими святынями – крестом и реликвиями. Хильдегарда дала подробные указания, что делать. Следуя ее распоряжениям, вокруг одержимой встали семь священников и по очереди произносили слова догмата веры. По приказу «Изыди» злой дух издал такой стон и вопль, что присутствующих охватил «страх великий». Казалось, нечистый был побежден, ан нет. Отпустив на некоторое время свою жертву, он начал бушевать в ней с новой силой. Наконец страдальицу доставили в монастырь Хильдегарды. В своих записках Хильдегарда с ужасом вспоминает о бесовских, богохульственных словах бесноватой, к тому же угрожавшей страшными карами за любую попытку приблизиться к ней. Но Хильдегарда и ее сестры-монахини не дрогнули, их многодневные молитвы увенчались успехом. Хильдегарда услышала небесный глас: «Изыди, сатана, из телесной кущи жены сей и дай место в ней Святому Духу!». Нечистый дух вышел «мерзостным образом с выделениями» из тела женщины. С той поры она была здорова и осталась жить в Рупертбергском монастыре.

С высоты более позднего времени можно пожалть плечами или снисходительно посмеяться над причудами и несуразностями прошлого. Можно рассматривать все изложенное как зарисовки народной психологии определенного времени, как эпизод из истории нравов, культуры или медицины. Но не будем забывать, что подробно изложенное исцеление бесноватой принадлежит той же самой Хильдегарде, которая оставила после себя две книги: «Книга простой медицины» («Физика») и «Причины и врачевания» («Книга сложной медицины»).

Следует отметить, что данные книги занимают особое место в наследии Хильдегарды. Они резко отличаются по языку, по всей системе изложения от трилогии видений. В них не найти ссылок на божественное указание записать их содержание, в них начисто отсутствует пророческий тон. Такое различие можно объяснить разной установкой их автора. Известно, что даже в то религиозное время в литературе такого рода (в практических руководствах по медицине, лечебниках) проповеди и моральные наставления играли не самую главную роль. Труднее объяснить другие несоответствия, носящие концептуальный характер. Общеизвестным является тот факт, что Хильдегарда резко отрицательно относилась к астрологии и подвергла ее осмеянию в книге «Знай пути». Никогда не вызывала сомнений ее последовательность в понимании особой роли человеческого разума как «божественной искры», роднящей человека с образом и подобием Бога. Бесспорно и то, что Хильдегарда придавала особое значение свободной человеческой воле, способности человека самому делать выбор и определять свой жизненный путь и состояние души. Между тем указанные выше произведения, особенно «Причины и врачевания», вступают в резкое противоречие с этими принципами. В лечебнике «Причины и врачевания» есть глава, занимающаяся проблемами астрологии и свидетельствующая о живом интересе к данной области; здесь поведение человека определяется не свободной волей, а его темпераментом, который, в свою очередь, зависит от семени и способа зачатия. Таким образом, человек как религиозно-нравственная личность, ответственная перед Богом, миром и собой, бесследно исчезает, остается лишь существо, находящееся во власти простой физической необходимости.

Мы обратили внимание лишь на основные противоречия, вызывающие сомнения исследователей и не позволяющие им считать авторство Хильдегарды в естественно-медицинских трудах таким же бесспорным, как в трилогии видений. Однако в наше время среди ученых нет и таких, которые бы отказывали Хильдегарде в этом авторстве. Видимо, как всегда бывает в подобных случаях, истина лежит посередине. Б. Видмер, суммировавшая в своей работе возражения против авторства Хильдегарды (часть из них приводилась нами выше), приходит все-таки к выводу о том, что «основные элементы» данных произведений принадлежат Хильдегарде. Еще более определенно высказались авторы фундаментального труда

² См. письмо племянника Хильдегарды, архиепископа Трирского, к ней и ее ответ на него.

«О подлинности произведений св. Хильдегарды Бингенской» М. Шрадер и А. Фюркеттер. Их вывод таков: хотя имеющийся рукописный материал не дает основания для однозначного суждения³, «авторство Хильдегарды находится вне сомнения».

Достоверность, подлинность наследия личности такого плана как Хильдегарда – вопрос не праздный. В наше столетие интерес к ее работам, особенно естественно-медицинским, постоянно возрастает. Они были и являются в настоящее время объектом пристального изучения медиков. Труды Хильдегарды дают возможность изучить уровень медицины в средневековых монастырях; увидеть подход средневековых целителей к организму человека в целом и к организму больного человека в частности; уяснить понимание причин и сущности болезни, ее исцеления; принципы лечения отдельных заболеваний: гинекологических болезней, болезней зубов, полости рта; познакомиться с применением в ту далекую эпоху лекарственных трав и диет⁴. Однако общественный интерес к медицинским и естественнонаучным писаниям аббатисы не исчерпывается устойчивым вниманием серьезного, но достаточно узкого круга специалистов от истории медицины. Нет, судьба этих книг была иной. С момента своего появления в монастырской мастерской по переписыванию книг (скриптории) они притягивали к себе самые широкие слои читающей публики. В любые времена человек пытался одолеть хворь и недужность, а потому «прилежал со вниманием» советам людей, сведущих во врачевании. Что же говорить о письменном слове «самой Хильдегарды», за которой народная молва, как было показано выше, всегда признавала особый дар исцеления.

В данном случае – и это была вторая сторона ее целительной деятельности – аббатиса врачевала не душеспасительными словами, а вполне реальными, обычными лечебными средствами: порошками, мазями, растворами, питьем, примочками, компрессами. Она не только давала конкретные рекомендации, как излечить болезнь; она учила оглянуться вокруг и увидеть мир, созданный, по ее мнению, творцом в назидание и радость человеку телесно крепкому и в помощь человеку недужному. Основываясь на своих многолетних наблюдениях и опыте лечения, она учила одолевать недуг, используя щедрый дар Создателя – природу. Прекрасно зная родной край, она делилась своими рецептами по изготовлению лекарств, сообщала ценные сведения о целебных растениях, давала советы по организации разумного питания больных. Не подлежит сомнению, что в своей лечебной деятельности Хильдегарда, прожившая всю свою жизнь в бенедиктинском монастыре, опиралась на многовековую традицию монастырской медицины, впитавшей в себя как античную мудрость, так и народные способы врачевания. Бенедиктинские монастыри, с одной стороны, всегда были оплотом средневековой латинской учености; с другой стороны, они, как и другие монастыри, поддерживали тесную связь с широкими слоями населения, с народными массами. Известно, что в средние века монастыри были единственным местом, где способный молодой человек «из низов» мог пробиться «наверх» и получить общественное признание. Секреты народного врачевания приносили в монастырь как те, кто прибывал сюда из самой гущи народной жизни, так и представители семей местной рейнской аристократии. Здесь больных также лечили по рецептам, передававшимся из поколения в поколение и уходившим своими корнями в седую германскую древность. Этот причудливый сплав знаний из античных источников со сведениями, идущими от народной традиции лечения, характеризует и работы Хильдегарды по медицине. Понять их можно в более широких рамках, рамках традиций бенедиктинской монастырской культуры.

Перейдем к характеристике книг Хильдегарды по медицине. Скажем сразу, что популярность двух книг Хильдегарды по медицине в средние века была сравнима лишь с ее предсказаниями о конце света и Страшном суде⁵. Известность Хильдегарды-целительницы дошла и до нового времени. Не случайно, что книгопечатание, тогда еще только входившее в силу, сразу оценило именно эти работы Хильдегарды. Именно поэтому печатник из Страсбурга И. Шотт в 1533 году издает «Книгу простой медицины» и дает ей собственное название «Физика св. Хильдегарды»⁶.

³ Одним из основных обстоятельств, затрудняющих текстовое изучение данных произведений, является то, что не сохранилось ни одной рукописи с текстом естественного и медицинского содержания, относящейся к XII веку. Самая древняя из них относится к XIII веку. Три рукописи достаточно отличаются друг от друга распределением материала и содержанием, что указывает на произвольное вмешательство в первоначальный текст лиц, имевших отношение к переписыванию рукописей. Восстановление первоначального содержания требует напряженной, кропотливой, многолетней работы.

⁴ Обзор научных работ, посвященных медицинским и естественнонаучным трудам Хильдегарды, представлен в библиографии, данной в обстоятельной книге Ирмагд Мюллер «Лекарственные растения у Хильдегарды Бингенской». Mueller, I. Die pflanzlichen Heilmittel bei Hildegard von Bingen. – Salzburg: Otto Müller Verlag, 1982. – S. 209–215.

⁵ Эти книги первоначально составляли одно единое произведение естественнонаучного и медицинского характера. Но уже в 1233 г. при ходатайстве Майнского епископата о канонизации Хильдегарды папе Григорию IX был передан список ее трудов, где значились и данные книги: «Книга простой медицины» и «Книга сложной медицины» («Liber simplicis medicinae» «Liber compositae medicinae»).

⁶ Нам такое заглавие кажется несколько диковинным, но современников И. Шотта оно не сбивало с толку; напротив, книга включала в себя и сведения о природе, и сведения по медицине. Еще не так давно городской и районный врач в Германии назывался «физикус».

По содержанию обе книги Хильдегарды имеют много общего. Остановимся более подробно на одной из них, «Книге простой медицины» («Физика»)⁷. Она состоит из девяти разделов, по традиции именуемых «книгами»: книга I «О растениях»; книга II «Об элементах»; книга III «О деревьях»; книга IV «О камнях»; книга V «О рыбах»; книга VI «О птицах»; книга VII «О животных»; книга VIII «О пресмыкающихся»; книга IX «О происхождении металлов». Все они, за исключением очень краткого раздела «Об элементах», имеют вступление. Во вступлении рассматриваются некоторые общие принципы: характеристики данного класса, сообщаются сведения об их происхождении, об их отношении к человеку. За вступлением следует конкретное описание, включающее существенные признаки изображаемого предмета; в конце «главки» содержится рекомендация по изготовлению лекарств из живых или неживых организмов, полезных для здоровья человека. Кроме того, в «главках» имеются советы более общего характера, касающиеся организации режима для больного, его поведения, питания.

В книге Хильдегарды по медицине нет ссылок на каких-либо авторов, она цитирует только Священное писание. Однако исследователи, основательно изучившие ее труды по медицине, установили, что она хорошо осведомлена как об античных источниках в данной области, так и о германских сказаниях и легендах о свойствах трав, деревьев, камней, животных, птиц, рыб. Другими словами, данные книги свидетельствуют, что Хильдегарда как врач и естествоиспытатель впитала в себя ту традицию в области целительства или, беря шире, ту культурную традицию, о которой шла речь выше.

Основной принцип данной традиции есть единство трех величин – мироздания, тела и души. Согласно такой традиции, излечение всего тела невозможно без восстановления «порядка», гармонии души, без понимания человеком его места и функции в общем Божественном мироздании. Если отбросить средневековую риторику, то речь идет о том, что волнует современную медицину – о комплексном подходе к человеческому организму, о медицине, рассматривающей индивидуум не как простую сумму органов, а в его целостности, органическом единстве душевных, физических и природных сил. Потому «Физика» Хильдегарды и интересна для нас – как систематическое собрание народной, природной медицины, направленной на человека в целом. Особый интерес представляют данные Хильдегарды о живой и неживой природе, собранные ею в результате собственного опыта врачевания. Потому в латинском тексте книги появляются немецкие названия растений и трав, иногда на местном диалекте. Живое дыхание жизни врывается в традицию и оставляет в ней свои следы. «Книга о простой медицине» – подтверждение того, как хорошо знала аббатиса свой рейнский край, его живую и неживую природу. Этот труд Хильдегарды убедительно доказывает несостоятельность заявлений некоторых ученых о том, что-де почтенная аббатиса и в глаза не видывала того, о чем поведала в своем произведении. Что же, были и такие высказывания немецких ботаников о естественно-медицинских изысканиях Хильдегарды. Основательное изучение жизни и творчества Хильдегарды убеждает, что она, как было многократно показано выше, никогда не была той серафической вещицей девой, далекой от мира сего, погруженной только в свои божественные видения; ее «Книга простой медицины» («Физика») – тому еще одно свидетельство. Конечно, Хильдегарда и здесь остается человеком своего времени; в ее монастырском саду разгуливают такие животные, которых действительно никто никогда не видел, но о которых все, жившие в ту эпоху, слышали. Там, скажем, привольно живет мифическим единорогам; там обитают пришедшие из сказаний огнедышащие драконы, и летают грифы, чудовища с львиным туловищем и орлиной головой. Подобные «следы невиданных зверей», описанные Хильдегардой, можно обнаружить во всех bestiариях, справочниках о животных, имевших хождение в Средневековье.

В описаниях болезней Хильдегарда точна и обстоятельна. Какие же причины вызывают, по ее мнению, болезнь? В определении причин болезни она стоит на почве учения античных медиков, восходящего еще к Гиппократу. Согласно этому учению, жизнь определяется четырьмя стихиями – огнем, водой, воздухом, землей; а также свойствами – теплый, холодный, сухой, влажный. В живом человеческом теле им соответствуют четыре основных сока: кровь, слизь, желтая желчь и черная желчь. Человек здоров, если все четыре сока находятся в правильной пропорции; он болен, если один из них преобладает. Теми же соками определяется и душевное состояние человека; различное смешение соков определяет четыре человеческих темперамента. Основой жизни является тепло, приносимое воздухом, и наличие соков, постоянно поддерживаемых питанием. Заметим, что, придерживаясь данных положений, Хильдегарда употребляет иные обозначения. Жизнедеятельность организма осуществляется, по Хильдегарде, за счет одной жидкости – слизи, которая появляется в разных количествах и вступает в соединения с разными качествами: слизь сухая, холодная, теплая, влажная. Избыток или недостаток слизи, ее чрезмерная влажность, сухость, теплота или холодность вызывают те или другие заболевания.

К опыту античной медицины Хильдегарда неоднократно обращается и при лечении больных. Она нередко использует метод врачевателей поздней античности «*similia similibus*» («лечи подобное подоб-

⁷ Цитаты и перевод даются по: Hildegard von Bingen. Naturkunde. Das Buch von dem inneren Wesen der verschiedenen Naturen in der Schöpfung. – 2. Aufl. – Salzburg: Otto Müller Verlag, 1974.

ным»). Эти два положения – учение о соках и принцип подобия – определяют и основные критерии, по которым аббатиса в своей книге характеризует живую и неживую природу. Вот что пишется, например, о пшенице: «Пшеница тепла <...>. Мука из подлинной пшеницы полезительна здоровым и недужным. Однако хлеб из просеянной подобно манке сердцевине, не так хорош, ибо он много слизи в человеке производит. Вкушание пшеницы без внутренних зерен дает также много слизи и в желудке почти не сваривается <...>». Другое дело – овес. «Овес тепел. Сие есть отменная и для здоровья полезительная нища. Он производит у человека дух веселый, разум светлый и ясный, цвет лица добрый, а плоть здоровую <...>» [с. 17].

Следует отметить, что принцип подобия органично входит в картину мира Хильдегарды, ибо он по-своему выражает взаимодействие и взаимовлияние микро- и макрокосмоса – идею, чрезвычайно важную для всей системы взглядов Хильдегарды. Мысль о внутреннем «сродстве» живой и неживой природы с человеком проходит красной нитью через вступление к разделу «О растениях». Здесь древесная роса сравнивается с венами, камни – с человеческими костями; земля, подобно человеку, выделяет пот, влагу и сок, а потому на ней возрастают столь различные растения и кустарники, «ибо потом ее производятся травы полезительные, влага же ее производит травы полезительные, съедобные <...>. Сок производит ягоду винную и деревья с жизненной силой <...>» [с. 16]. В таком контексте рекомендации аббатисы лечить «подобное подобным» выглядят логично и последовательно. Например: «Молочай ядом именуется», так как его чрезмерная теплота и влага губительны для человеческой плоти. Но античные целители рекомендовали его как средство для послабления желудка; Хильдегарда солидарна со своими коллегами, ибо «сим злом изгонялось зло, находящееся в человеческом теле» [с. 51]. По тому же принципу она советует излечивать ухудшение зрения по старости. Ее диагноз: в глазу «чрезмерно преуменьшилась» кровь и вода. Рецепт Хильдегарды: «<...> сему человеку надобно пойти к реке либо зачерпнуть свежей воды в сосуд и над сим наклониться. Сим путем глаза его влагу из воды оттянут и ее в себя примут. Так добытая влага произведет в глазах, в коих она иссякла, новую воду и сделает их сызнова ясными» [с. 56]. Крепость львиного сердца «производит» у неразумных крепость рассудка [с. 69]; каша из листьев и ветвей кедра укрепляет селезенку, но, съеденная после излечения, может причинить вред, и человек «в недрах своих твердым и сухим, как дерево, станет <...>» [с. 70]; драгоценные камни пригодны ко «многому благу <...> и полезительному», ибо «природа их ищет подобающее и полезительное и отвергает мерзостное и вредоносное <...>» [с. 81].

Итак, в книге Хильдегарды по медицине отчетливо прослеживается разностороннее воздействие античной традиции; эта традиция причудливо переплетается с германскими и кельтскими сказаниями о чудесных свойствах трав и деревьев, а также с легендами о магических качествах камней, растений и животных, занесенных в Европу с Востока. В книге Хильдегарды экзотическая, оваянная преданиями мандрагора, завезенная в Европу с Балкан, из арабских стран, располагается рядом с неприхотливым папоротником, растущим едва ли не по всему белому свету. По мнению исследователей, именно при описании папоротника Хильдегарда широко использовала здешний германско-рейнский фольклор, исконно народные верования в его чудодейственные силы. «Дьявол бежит от растения сего, и владеет оно некими силами, кои силы солнца напоминают, поелику оно, словно солнце, тьму освещает», – сообщает аббатиса. Папоротник изгоняет злых духов, хранит от житейских невзгод, от посягательств на жизнь. Молния, гром и град редко обрушиваются на то место, где растет папоротник; от него бежит зло и чародейство, яд и магия. Однако Хильдегарда не ограничивается описанием необыкновенных качеств растения, она обстоятельно описывает применение его семян для лечения, подагры и глухоты, а свежих листьев – против воспаления глаз.

«Местный» колорит ощущается и при описании подорожника как верного средства против приворотного зелья. Это не мешает Хильдегарде тут же дать подробные рекомендации по использованию листьев подорожника при переломе костей, при укусе ядовитых пауков, а его сока – против подагры и воспаления желез. Закончим характеристику «Физику» описанием ели, передадим текст почти без купюр, чтобы дать почувствовать тот диковинный аромат, что оставляет после себя чтение данного естественно-го и медицинского труда рейнской аббатисы.

«О ели. Ель более тепла, чем хладна и содержит многие силы. Она есть символ силы. Духи ненавидят сие дерево и бегут тех мест, в коих оно произрастает. Колдовство и магия в местах сих действуют меньше, чем в иных. Ежели кто-либо от боли головы страдает и от сего боли сердечные имеет, то ему надобно втирать мазь на сердце два либо три дня, а также обрить голову и втирать ее в голову. Мазь сия готовится так: в воде варят кору, листья и весьма мелкие кусочки еловой древесины вместе с шалфеем. Шалфей берется наполовину меньше. Сие варится до загустения. Листья, кору и древесину для лекарства надобно снимать в марте либо в мае, когда дерево свежо и зелено, и делать сие так, дабы сок в нем не пропал. Засим соединяют густую кашу с животным маслом, изготовленным в мае. Так добытая мазь наносится сначала на место сердца, а засим на другие недужные органы, ибо мазь сия помогает также против болей в желудке и в селезенке <...>» [с. 71].

Вот так и написана эта книга, где реальные факты соседствуют с фантастическими сведениями, а достоверные описания с символическим истолкованием; где острый ум, наблюдательный и внимательный взгляд врача-практика, точные и обстоятельные советы больному перемежаются с «темными» предсказаниями ведуньи. Все вместе взятое представляет удивительный документ эпохи, энциклопедию естественных и медицинских знаний. Это практическое руководство по медицине, фармакологии, диетологии; это ботаника – Хильдегарда описала 213 видов растений и 60 видов деревьев; это зоология – Хильдегарда передала потомству сведения о 60 видах птиц и более 35 видах рыб. Специалисты считают ее раздел о рыбах самым оригинальным сочинением средневековья в данной области. Одновременно данная книга является одним из ранних памятников развития немецкого языка, ибо наряду с латинскими обозначениями живых и неживых организмов Хильдегарда нередко употребляет местные, средневерхне-немецкие обозначения⁸.

Хильдегарда – первая немецкая женщина-врач, Хильдегарда – первая немецкая женщина-естествоиспытатель – таковы титулы рейнской аббатисы. Нам не трудно представить себе ее за молитвой; старинные миниатюры, созданные при жизни в ее скриптории, дают представление о нисхождении Святого Духа на пророчицу Хильдегарду; они же изображают ее пишущей свои труды. Но какой была Хильдегарда-целительница? «Книга простой медицины» никаких миниатюр не содержит, да она вроде бы совсем не о Хильдегарде, однако за ее страницами постоянно стоит сама Хильдегарда. Мы видим аббатису, вечную труженицу: Хильдегарду, рассматривающую диковинный камень, крыло птицы или только что выловленную рыбу; Хильдегарду в монастырском саду; Хильдегарду, наклоняющуюся, чтобы сорвать подорожник или папоротник; Хильдегарду, готовящую порошки и отвары; Хильдегарду, склоняющуюся над больной.

Хильдегарда из книг по медицине дополняет образ благословенной целительницы, оставленный нам житием аббатисы, придает идеальным очертаниям житийного облика определенность и достоверность и освещает все светом человеческого сострадания и тепла.

IX. ДЛЯ ВСЕХ ОНА СДЕЛАЛАСЬ ВСЕМ

«<...> Она же, мать и руководительница, расточает себя в любви ко всем. Высокомерие греховное, столь часто из почетной должности возрастаемое, растаптывает она тяжестью смирения. Она подает испрашиваемые советы, разрешает тяжкие вопросы, к ней поставленные, пишет книги, наставляет сестер, выпрямляет грешников <...>».

*(Из письма ее современника, монаха Виберта из Жамблу)
Хильдегарда Бингенская. Переписка, с. 233.*

Она еще при жизни стала легендой для всей Германии: «<...> И устремились к Хильдегарде со всех сторон толпы людей, мужей и жен, коим она милостию Божией щедрые, их жизни сообразные увещания давала <...>. Великое множество ее советами от телесных недугов пользовалось <...>. Немало было также и тех, кои ее благословением от недугов своих освобождены были. Поелику же она духом своим провидческим также о помышлении и умысле людском ведала, то она тех устыживала, кои к ней с неверным сердцем в легкомыслии и любопытстве шли. Поелику же оне духу, из нее глаголящему, противиться не могли, то оне, ею наставленные и исправленные, от дурных помыслов своих воздерживались <...>. И так она, по слову апостола, сделалась «для всех всем» [1 Кор. 9, 22]. Она глаголила с любовью и добротою, как ей сие благом казалось, также и с чужанинами, даже и с достойными порицания, кои к ней являлись» [с. 75]. Цитированные строки взяты из жития Хильдегарды, написанного вскоре после ее кончины. Общеизвестно, что житие – особый жанр, в соответствии с которым его составители отбирали и «стилизовали» факты подлинной биографии, создавая идеализированный, возвышенный образ борца за веру. Житие Хильдегарды не является в этом смысле исключением. Людвиг, аббат монастыря св. Евхария в Трире, и Готфрид, аббат Эхтернахского монастыря, заказавшие составление жития, хотели оставить потомству образ святой, осененной Божественным даром пророчества. Однако сразу отметим, что и заказчики, и исполнители были связаны с Хильдегардой большими человеческими чувствами: они лично

⁸ Понятен интерес ведущих немецких лингвистов XIX и XX вв. к данной книге Хильдегарды. Изучением обозначений растений, животных и минералов у Хильдегарды занимались Ф.А. Ройс, Р. Фишер-Бенцон, П. Кайзер, Г. Фишер, Г. Марцелл, П. Рите и др. См. библиографию: Irmgard Mueller. Die pflanzlichen Heilmittel bei Hildegard von Bingen. – Salzburg: Otto Mueller Verlag, 1982. – S. 210 – 215.

знали аббатису, благоговели перед ее даром, преклонялись перед чистотой и святостью ее жизни⁹. Житие писали люди, слушавшие Хильдегарду, видевшие ее в общении с другими, состоявшие с ней в переписке, пользовавшиеся ее полным доверием. Аббат Людвиг, один из наиболее близко знавших ее людей, «подчистил» текст жития, устранив места, снижавшие, по его мнению, облик праведницы; но отдельные детали остались и нет-нет, да и доносят до нас яркое, живое, непосредственное впечатление от ее необыкновенной натуры. К примеру, вот эти строки: «И, как она верно ведала о времени, когда надобно молчать, так она ведала и о времени, где и с кем, почему, как и когда глаголить надобно» [с. 76]. Иными словами говоря, Хильдегарда в полной мере владела тем, что на современном языке называется «искусством общения»; она действительно умела работать и жить с людьми. Ранее уже говорилось об удивительном чувстве реальности, позволявшем ей, с детства находившейся в монастырских стенах, находить помощников для осуществления своих планов, тех самых верных, единственно нужных для данного момента людей. Они-то и становились ее близкими друзьями. Таковы были Фольмар, ее духовник и секретарь в течение тридцати лет, и монахиня Рихардис. С ними она, державшая обычно людей на расстоянии, могла поделиться повседневными заботами и горестями, ввести в свою напряженную духовную жизнь. Они относились к ней с благоговейной преданностью, и Хильдегарда была к ним по-человечески привязана и близка. Понятны ее страдания, когда житейские обстоятельства разводили ее с близким человеком, как в случае с Рихардис. Как правило, Хильдегарда безошибочно определяла, что движет людьми, писавшими ей со всех концов тогдашней Европы, что лежит в основе их интереса к ней: суетное любопытство, «мода» на знаменитую пророчицу или пылкая религиозность, истинное благочестие. Открыв для себя «своего» человека, обнаружив в нем подлинную, незамутненную, притягательную хлопотами набожность, Хильдегарда просто и естественно отвечала на все вопросы, нередко затрагивавшие весьма деликатные стороны ее души.

Так и случилось с монахом Вибертом из Жамблу (Нидерланды), вступившего в круг ее близких знакомых в последние четыре года жизни аббатисы. В 1175 году он пишет ей свое первое письмо, а осенью того же года ему, сопровождавшему важное духовное лицо, удается посетить Рупертсбергский монастырь и лично познакомиться с Хильдегардой. Спустя два года он снова появляется у Хильдегарды, и так как у нее умирает секретарь, он исполняет эту должность до смерти аббатисы (1179). Его письма к Хильдегарде, а также переписка с друзьями, которым он сообщает о своих впечатлениях от пребывания в ее монастыре, являются, по мнению исследователей (М. Шрадер, А. Фюркеттер) самыми важными достоверными источниками о жизни и деятельности пророчицы, о ее взаимоотношениях с ближайшим окружением, с монахинями Рупертсбергского монастыря. Одним словом, свидетельство Виберта содержит драгоценные для нас сведения очевидца, непосредственно общавшегося с самой пророчицей, хорошо понимавшего масштаб ее личности. Виберт и сам был характер весьма интересный. «Этот пылкий валлонец» (А. Фюркеттер) обладал незаурядным умом, способностями и получил прекрасное образование в бенедиктинском аббатстве Жамблу, славившемся библиотекой, одной из самых богатых в тогдашней Европе. В своих письмах он цитирует не только Священное писание, отцов церкви, но и Вергилия, Овидия, Горация.

К 70-м годам известность Хильдегарды давно перешагнула границы Германии, ее труды усердно читались в монастырях Франции и Нидерландов, ей писали ученые-богословы со всей Европы, прося советов и разъяснений наиболее трудных мест в Писании. Письмо Виберта выделяется из огромного числа корреспонденции, полученной Хильдегардой, своей искренней, живой заинтересованностью, одухотворенной верой. Пожилой ученый монах (ему к этому времени уже около 50 лет) в письме, пересланном цитатами из Священного писания, по-юношески горячо и непосредственно пишет знаменитой пророчице о своем преклонении перед ее чудесным даром. Сообщая о том, что ее писания нашли в их монастыре прилежных и благодарных читателей, Виберт использует для выражения своих чувств образы и символы «Песни Песней»: <...> Воистину, плодovitость твоя для нас лучше, чем вино и отраднее

---

⁹ В этой связи следует особо выделить аббата Людвиг. Аббат Людвиг поддерживал со знаменитой пророчицей самые дружеские отношения; остались его письма, где он обращается к «матушке» за советом, касающимся его служебных дел (брать или не брать под свое начало второй монастырь). Известен и ответ Хильдегарды, как всегда краткий и дельный, но согретый доброжелательным расположением к адресату. В своем ответном письме Хильдегарда, обычно сдержанная и как бы отстраненная от своих адресатов, откровенно пишет о горестях, сетует на утрату Фольмара, своего многолетнего секретаря и помощника: его смерть оставила ее «сирой», а книгу «О деяниях Божиих» незавершенной. Людвиг тотчас же откликнулся на беду: он послал двух монахов своего монастыря, оказавших Хильдегарде необходимую помощь в редактировании книги и исправлении ее латинского языка. В эпилоге книги аббатиса с благодарностью вспоминала о «достопочтимом» аббате Людвиге, «о муже, отмеченном высшей степенью мудрости перед Богом и людьми, <...> движимого столь великим состраданием, что он мне лично и через иных умных мужей в постоянной готовности надежную помощь являл». После смерти Хильдегарды аббат Людвиг поручил ученому монаху одного из своих монастырей Теодориху продолжить написание жития, ибо к тому времени умер монах Готфрид, начавший эту работу и написавший I книгу жития.

благовоения самых драгоценных миро. Когда ты из погребов видений, в кои тебя Владыко Предвечный как невесту свою часто вводит, в мир внешний возвращаешься и нас через писания свои участием в святых видениях одариваешь <...>, тогда поспешаем мы за благовоением миро твоего. Ты влечешь нас за собой <...>.

В этой части письмо Виберта мало чем отличается от корреспонденции, адресованной Хильдегарде. Но вопросы, заданные им, непохожи на те, что она обычно получала. Виберта интересует то, что можно назвать механизмом восприятия видений: «Мы желали бы знать, – я и со мною многие другие – истинно ли, что слух у нас о тебе распространяет, хотя меня в сим убедить нелегко, что видения твои после, как они по велению и указке твоей письменно нотариусами приняты, из памяти твоей выпадают <...>. А также желали бы знать мы, диктуешь ли ты видения сии на латине или их на языке немецком изрекаешь, а другой их на латину переводит. Также не менее желали бы мы знать, усвоила ты Священное писание через усердное чтение или токмо под водительством Божественного помазания, кое своих избранных всему наставляет <...>»¹⁰ [с. 224]. При всей благочестивой почтительности формы выражения от данных вопросов исходит дух какой-то дерзостной пытливости. Виберт не переходит ту границу, перед которой останавливались другие, но как бы балансирует на ней. Сравним его письмо с посланиями других корреспондентов. Эта другая позиция наиболее отчетливо высказана в письме к Хильдегарде приора Дизибоденбергского монастыря Альберта, знавшего аббатису с первых лет ее поступления в монастырь. «Нам ведомо, – писал старший священник, – что Вы у нас воспитаны и обучены были, <...> ведомо нам также, что Вы только занятиям женским прилежали и ни в каких других книгах наставлены не были, кроме простой Псалтири <...>. Но Отца любовь Божественная, как на то ее воля, Вас росую небесной наполнила, и Вам величие тайн своих открыла» [с. 110]. Итак, человеческому разуму не должно пытаться понять, почему и как провидение избирает пророков и приобщает их к небесной мудрости. Напротив, Виберта как раз интересует, как «сие происходит»; по существу он спрашивает Хильдегарду, на каком языке с ней объясняется Бог; не являются ли истолкования Священного писания, полученные «свыше», дополнительным «наставлением» к ее знаниям, добытыми земным путем, повседневным прилежным чтением. Вопросы задавал человек ученый, любознательный и дотошный («меня в сим убедить нелегко»).

Хильдегарда ответила Виберту не сразу, а после его вторичного письменного обращения. Не станем подробно передавать содержание ответного письма Хильдегарды; отрывки из него неоднократно цитировались нами, так как именно в этом письме Хильдегарда подробно рассказывает о том, что она «видит» и как воспринимает свои видения; именно здесь содержится свидетельство о Живом Свете, источнике ее вдохновения. Отметим лишь интонацию, тон письма, его безыскусную простоту и естественность, за которыми стоит смиренное восприятие себя как орудия высшей воли и послушное, кроткое исполнение христианского долга: «Хотя Бог и возлюбил возносить тело мое и душу мою к пророческому видению, но не смог отступить страх от духа и сердца моего. Ибо ведаю я, что я есмь человек, хотя я в монашеской келье с детства моего <...>» [с. 226]. Так же незатейливо и просто говорит она о постижении Божественной истины: «<...> Я зрю, слышу и разумею в одно и то же время, и как бы в одно мгновение уразумеваю то, что ведаю. Что не зрю я, того не ведаю, ибо неучена я и была токмо наставлена в простоте своей складывать буквы» [с. 227]. Хильдегарда не уклонилась и от ответа на вопрос, на каком языке ей открывается истина. Общение с создателем проходит на официальном языке церкви, латыни: «А что я пишу, – сообщает Хильдегарда Виберту, – то зрю и слышу я в видении и не ставлю слов иных, кроме как мною слышанных и в неотесанных словах латыни оповещенных, как я сии в видении слышала. Ибо видения, – добавляет она, – не обучают меня писать по-ученому» [с. 227].

Тут, видимо, уместно упомянуть о том, что латинский язык произведений Хильдегарды был для более позднего времени камнем преткновения. Ученые-гуманисты, знатоки классической латыни, не скрывали раздражения, говоря о стиле произведений аббатисы. Известно насмешливое высказывание Лангиуса (начало XVIII в.): одно лишь предположение о том, что Святой Дух мог говорить таким дурным стилем, уже граничит со святотатством. Из приведенного отрывка ее письма видно, что она никогда не утверждала, что Создатель высказывается на той латыни, на которой написаны ее книги. Хильдегарда постоянно выделяет мысль: она пишет так, как поняла, как видела и слышала. Ее человеческое несовершенство и «неученость» – причина «неотесанного», неотшлифованного латинского языка в ее книгах – таков ответ самой Хильдегарды ревнителям классической латыни, вытекающий из ее письма.

Можно было бы и не касаться тех давних споров, если бы они по-своему не затрагивали нечто более существенное. Письмо Хильдегарды к Виберту раскрывает, как никакой другой документ, понимание того, почему Хильдегарда в свои зрелые годы на протяжении трех десятилетий была «всем для всех», объектом единодушной любви, горячего поклонения как сильных мира сего, так и «малых сих». Она, как нам кажется, являла во плоти идею «простеца», как его понимало Средневековье, как он воплотился в Евангелии в человеческом облике самого Христа, Его учеников, а позднее – в посланиях Павла, в

¹⁰ Письма цит. по: Hildegard von Bingen. Briefwechsel. – Salzburg: Otto Müller Verlag, 1965. Перевод наш. – P. Г.

«Исповеди» Августина (30). Простец – это особое мироощущение, характеризующееся глубиной духовной жизни, далекое от суетливого умствования; это бесхитрость и открытость всего существования; это самоуглубленная сосредоточенность человека, готового ежеминутно, ежечасно держать ответ перед Создателем за деяния и помыслы. У Средневековья, как у любого времени, были свои герои, те, кто во имя общественной идеи брал на себя особые тяготы. Перед людьми такого плана общество склоняло свои головы. Восхищаясь или возмущаясь, люди всегда отдавали должное необычному масштабу их дел, мыслей, чувств. За Бернардом Клервоским, как известно, шли сотни сторонников, пораженных размахом, широтой, нечеловеческой сложностью задач, поставленных ими перед собой. Аскет из аскетов, мистик из мистиков, он, как и все его время, также стремился открыть в себе простеца, но был для этого слишком учен и красноречив, слишком изощрен в хитросплетениях большой политики, слишком озабочен тем, какой след оставит в памяти потомков. Все его письма (не говоря уже о сочинениях) были им тщательно просмотрены и отредактированы, так что говорить о каком-либо нескорректированном, спонтанном выражении в них чувств не приходится. Понятно, однако, что и претензий к латыни этого великого стилиста и блистательного оратора также никогда не было. Что ж, как говорится: каждому – свое.

Отметим, что современников Хильдегарды мало волновали проблемы ее латинского языка. Они искали в трудах и письмах аббатисы иного – истины, открывшейся ей, простой, старой и немощной женщине. Виберт, сам владевший прекрасным латинским слогом, держит себя с «неученой» Хильдегардой как смиренный и послушный ученик. Да только ли он один! Напомним, письмо к Хильдегарде он писал от имени целой монашеской общины, гордившейся своей исконной образованностью. Реакция монахов на полученное ее послание описана Вибертом в очередном его письме к аббатисе. Это красноречивое доказательство необычайно высокого авторитета «простеца Хильдегарды» среди ученых и образованных. Данный эпизод полон таких характерных для эпохи деталей, что заслуживает более подробного изложения. Нетерпение Виберта, ожидавшего ответа от знаменитой пророчицы, можно было бы сравнить лишь с состоянием души рыцаря из какого-нибудь куртуазного романа, считающего минуты до получения вестей от своей возлюбленной. Получив письмо, Виберт был настолько взволнован и потрясен, что не решился сразу открыть его, чтобы не испортить важнейший час своей жизни неподобающим настроением. Он отправился в ближайшую церковь, возложил письмо на алтарь и начал страстно молиться, прося Небо настроить его сердце и дух на нужный для постижения написанного лад. После молитвы он трижды прочитал письмо и пришел в состояние экстаза. На следующий день ответ Хильдегарды был зачитан перед собранием монахов и прихожан из Жамблу [с. 225]. Общее настроение после его прочтения выразил старик-монах, бывший аббат одного из монастырей, сказавший, что все написанное здесь исходит от Святого Духа: «Самые хитроумные наставники из Франции не могут свершить подобного <...>. Черствым сердцем и раздутыми щеками производят они шум великий, путаются в изысках и спорах своих <...>. Но жена сия благочестивая <...> выделяет лишь достоподобное, а именно славу триединого Бога. Она черпает из полноты недр своих, дабы жажду страждущих утолить» [с. 226].

Позднее Виберт, побывав в Рупертсбергском монастыре, поделился своими впечатлениями с учеными монахами монастыря в Виллерсе. Воодушевленные восторженным сообщением Виберта о знаменитой пророчице монахи составили целых 38 вопросов по наиболее спорным теологическим проблемам. Через своего друга вместе с сопроводительным письмом Виберт переправил их Хильдегарде. К тому времени Хильдегарде исполнилось уже 78 лет. Она только что потеряла своего второго секретаря, монаха Готфрида, и теперь снова осталась одна среди большого количества писем, требовавших ответа, и незаконченных книг. Она и сама была тяжело больна, но в ответе на неоднократные просьбы неугомонного Виберта и любознательных виллерских монахов сообщает, что работает над их вопросами, хотя и оплакивает свой «посох утешения». По меркам этикета нового времени, услышав этот крик души, следовало бы дать покой старой, смертельно уставшей женщин. Но Средневековье смотрело на все по-своему. Пророческий дар Хильдегарды не только обеспечивал ей особое положение в обществе, но и возлагал на нее, по мнению современников, особые обязанности служения, тот крест, который ей следовало нести до конца. Видимо, только так можно объяснить поражающую нас настойчивость Виберта, постоянно напоминающего престарелой аббатисе об ответе на 38 (!) вопросов; ведь пророчица могла в любой момент отойти в иной мир, унося с собой истину, открытую создателем душе простеца. Даже благоговейное отношение к таинству смерти не могло остановить пылкость Виберта. Когда в 1176 году до Жамблу дошел слух о смерти Хильдегарды, потрясенный Виберт направляет монахиням Рупертсберга письмо, где по своему обыкновению методично расспрашивает: когда скончалась пророчица, где похоронена, кто присутствовал на погребении. Излишне добавлять, что Виберт не преминул поинтересоваться и тем, как обстоит дело с теми самыми вопросами. К счастью, слух о смерти Хильдегарды оказался ложным.

Как бы там ни было, но именно благодаря Виберту, его подчас педантичной дотошности, у нас есть достоверные сведения об организации жизни и быта в Рупертсбергском монастыре. Эти единственные в своем роде детали не только дополняют облик Хильдегарды; они освещают его мягким, теплым светом человеческой привязанности. Виберт особо выделяет отношение искренней сердечности, соеди-

нявшее Хильдегарду и ее общину в одну единую семью: «Мать обнимает дочерей своих такой любовью, а дочери подчиняются матери с таким благоговением, что едва различить можно, превосходит ли в своем усердии мать дочерей или дочери мать» [с. 232]. В стенах монастыря царит, по словам Виберта, истинное благочестие, молитва и труд: в праздничные дни сестры-монахини посвящают себя чтению священных книг и изучению духовного пения; в будни они переписывают книги, изготавливают литургическую одежду, занимаются рукоделием. Виберт, проживший всю жизнь в монастыре, не мог не оценить практичность и удобство построек, имевших редкое по тем временам устройство – водопровод: «<...> во всем он по-доброму устроен не роскошными, но прочными и просторными строениями, как сие для монахинь пригодно, и тем, что ко всем рабочим помещениям трубы с водой проложены» [с. 233]. Особое восхищение умного и образованного Виберта вызывает тот факт, что «монастырь сей основан не кайзером или епископом, могущественным или богатым земли сей, но бедной, пришлой, слабой женщиной».

Картина монастырской жизни, нарисованная Вибертом, может показаться современному читателю слишком уж благостной. К тому же мы знакомы с пылкой и горячей натурой Виберта, его преклонением перед пророчицей. Нельзя не принять во внимание и известную «этикетность» Средневековья перед людьми такого масштаба, как Хильдегарда. Все так, но известно и другое. Из переписки Хильдегарды мы знаем, что далеко не во всех монастырских общинах господствовал дух праведности, мира и согласия. Ее письма, например, монахам и монахиням двойного бенедиктинского монастыря в Цвифальтене полны изобличений, увещаний и призывов прекратить распри, обуздать непослушание и распущенность. С другой стороны, невежество, самоуправство и фанатизм аббатов были также, как свидетельствуют источники и наставительные письма Хильдегарды, не единичным явлением. На таком фоне монастырь, руководимый Хильдегардой, производил действительно отрадное впечатление. Хильдегарда, ребенком вступившая в общину, хорошо понимала, как важно создать некую защитную эмоциональную нишу для женщин, оторванных от семьи и, так сказать, «обреченных» на долготетнее совместное проживание. Она умела упорядочить их нерастраченные женские чувства, снять или «отканалить» отрицательные переживания, внести радость и разнообразие в тесные пределы их жизни. Обладая свободным, нестесненным житейскими рамками умом, необыкновенно развитым чувством реальности, каким-то чутьем на все подлинно необходимое, она часто решала встававшие перед ней сложные проблемы, нарушая общественные правила, иногда просто-напросто взрывая существующие нормы. Нужно ли говорить, что подобные действия вызвали далеко не однозначную оценку ее современников! Переписка Хильдегарды с аббатисой Тенгсвих дает тому убедительное подтверждение.

Сначала несколько слов о Тенгсвих. Она родом из семьи, известной своими реформаторскими устремлениями. Ее мать организовала в своем поместье общину, жившую по принципам св. Августина; ее брат Рихард также основывал религиозные общины, выступал против обмирщения монастырской жизни, за строгость и чистоту нравов. Брат и сестра много сделали для того, чтобы открыть ворота монастырей широким слоям населения, а не только для женщин из родовитых семей. Одним словом, это были люди глубоко религиозные, по-своему учитывавшие дух времени, пытавшиеся жить по заветам апостолов.

Письмо Тенгсвих к знаменитой пророчице было вызвано желанием почтенной аббатисы доискаться, где же правда. Ее сбили с толку слухи о «великом новшестве» в монастыре Хильдегарды. Дело в том, что в Рупертсбергском монастыре праздничная служба проходила необыкновенно красочно и торжественно. Монахини пели псалмы в ослепительно белых одеждах невест; их распущенные волосы украшались венками, затейливо перевитыми золотыми нитями, с вплетенными в них крестами и образом Агнецца. На пальцах Христовых невест сверкали золотые кольца.

Да, было от чего прийти в замешательство: не церковная служба, а придворное увеселение, да и только! А как же с запретом ап. Павла, спрашивает вконец озадаченная Тенгсвих, разве не предостерегает он: «Чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам <...>».

Еще большее недоумение вызвали у Тенгсвих правила приема в Рупертсбергский монастырь. Правда ли, пишет аббатиса из Андернаха, что вхождение в общину «дозволяете Вы токмо женам уважаемых и благородных родов <...>. Неблагородным и менее зажиточным Вы почти всегда в приеме в Вашу общину отказываете» (с. 201). Тенгсвих не скрывает своего крайнего удивления по поводу данного обстоятельства; она справедливо полагает, что оно потрясает самые основы церкви: «<...> мы в чрезмерном удивлении и беспомоществе, нерешительности и сомнении пребываем, – сообщает она Хильдегарде, – ибо сам Господь для создававшейся церкви неприметных и бедных рыбаков избрал, а святой Петр народам <...> глаголил: «Истинно познаю, что Бог нелицеприятен» (с. 201). Потому и обращается Тенгсвих к знаменитой пророчице с просьбой сообщить ей, «что за авторитет подобный монастырский обычай оправдывает». Она, Тенгсвих, изучила по мере сил своих все прежние указания отцов церкви, «из коих все, особливо люди духовного состояния, должны быть наставлены» и ничего подобного не отыскала.

Ответ Хильдегарды интересен во многих отношениях: как еще одно доказательство того, что и самая выдающаяся личность не может «выпрыгнуть» из рамок своего времени; как свидетельство чрезвычайно развитого чувства реальности у Хильдегарды, умения различать сферу деятельности чистого и практического разума; наконец, как иллюстрация того, что человек честный, но заурядный, ограниченный, боящийся нарушить «букву» закона, имеет шанс чаще оказаться по большому счету неправым, чем ум свободный, не боящийся ответственности.

Ссылаясь на голос Всевышнего, Хильдегарда разъясняет свою позицию следующим образом. Она согласна с тем, что жене, повинующейся своему мужу, «надлежит великой стыдливостью владеть», поэтому ей не следует хвалиться своими волосами и выделяться украшениями. Но этот устав не для девы, Христовой Невесты, встречающейся в праздничной церковной службе со своим Небесным Женихом и заключающей с ним в Святом Духе брачный союз. Поэтому деве и надлежит облачиться в одеяние невесты, «белизной сияющее». В ответе на второй вопрос Хильдегарда указывает, что хотя различия на небе и земле установлены Богом, подлинная «неодинаковость» зависит от самого человека, от его устремлений – к суетной славе или к смирению. Переходя от общих рассуждений к конкретному положению дел в монастыре, Хильдегарда обращается к примеру из повседневной жизни. Виданное ли дело, спрашивает она, согнать в один единый хлев разнообразную скотину (быков, ослов, овнов, козлиц) и ждать, что она не разбежится? Так же обстоит дело и с монастырем, «также и здесь надлежит блюсти различие, дабы приходящие из различных слоев народа, сочлененные в одно стадо, в гордой надменности своей устыженные сословными различиями его бы не разогнали» [с. 203]. Сословные различия посеют распри, зависть, ненависть, и в конце концов обитатели монастыря, принадлежащие к разным социальным слоям, растерзают друг друга – «высшее сословие, нападая на более низшее, а низшее, ставя себя над высшим» [с. 203]. Что ж, размышления Тенгсвих о всеобщем равенстве всех перед Богом, подкрепленные церковными догматами, близки по духу нашему времени. Однако следует признать, что практика общежития нередко доказывает разумную правоту слов Хильдегарды. Вполне возможно, что, принимая в свою общину только тех, кто стоит на одинаково высоких ступенях социальной лестницы, Хильдегарда с самого начала устраняла большое количество помех, способных взорвать мир и покой в ее монастыре.

Вот такой была Хильдегарда – аббатиса, ничего, кроме Бога, не признававшая безоговорочно; здраво и просто судившая о человеческой природе, считавшая, что послужить Богу сможет лишь человек, душа и тело которого не отягощены ни чрезмерной аскезой, ни роскошью. Говоря о взаимоотношениях Хильдегарды с людьми, нельзя не упомянуть один из самых ярких и драматических эпизодов ее жизни. Речь идет о следующем.

По обычаю дарители, оказавшие определенные услуги монастырю, могли по их желанию быть похороненными на монастырском кладбище в Рупертсберге. Так и случилось с одним молодым человеком из родовитой семьи. Позднее выяснилось, что за какой-то тяжкий проступок он был вместе со своим другом отлучен от церкви. Однако перед смертью священник из Бингена успел принять от него исповедь; умирающий получил отпущение грехов и помазание. Таким образом, умирая, молодой человек примирился с церковью и был погребен на освященной монастырской земле в 1178 году при большом стечении народа, в присутствии его друзей и родственников из Бингена. Обряд погребения совершил священник, исповедовавший его. Спустя несколько дней Хильдегарда получила от коллеги епископата собора в Майнце указание немедленно удалить тело из освященной земли и закопать его перед кладбищем. Прелаты требовали соблюдения буквы закона: умерший был официально (публично) отлучен от церкви, а его отлучение утверждено коллегией епископата собора Майнца, стало быть, принятие его в лоно церкви должно было также проходить официально, при участии майнцких прелатов. Высокие духовные чины из Майнца сочли, что отпущение грехов умершему священником было, так сказать, приватным, неофициальным, а потому не имевшим законной силы. В случае неподчинения они пригрозили монастырю интердиктом, то есть запретом на совершение богослужения и других церковных религиозных обрядов. Это была для истинно верующих страшная кара. Хильдегарда обратилась к «Истинному Свету», и в видении получила подтверждение правильности своих действий. Престарелая аббатиса (ей 81 год), больная и немощная, принимает решение не выполнять распоряжение духовного начальства. Она идет на монастырское кладбище, пастырским посохом очерчивает на могиле крест, а затем сравнивает ее края, чтобы невозможно было отыскать могилу. Хильдегарда принимает на себя интердикт, но одновременно ищет пути убедить духовную коллегию отменить решение. За что она борется? В письме к прелатам Майнца она подробно излагает причины, побудившие ее выступить против воли «начальствующих». Суть ее разъяснений такова: не гоже человеческому властвовать над Божиим. Покойный получил отпущение грехов, принял дары церкви, а потому он может и должен остаться на освященной земле. Теперь он принадлежит Богу, а не людям, и любое людское вмешательство есть святотатство. В письме она, ссылаясь на свое видение, утверждает, что сам Господь «принял человека сего из лона церкви, как того, кто для славы спасенных определен» [с. 242]. Более того, если, «согласно вашему предписанию тело мертвеца сего откопать, то через дальнейшее время месту нашему великая опасность угрожала бы <...>» [с. 237].

Однако ее доводы не убедили прелатов, они не отменили постановление об интердикте. По-прежнему монастырь не имел права устраивать богослужение; молчали колокола, монахини приглушенными голосами проговаривали молитвы за закрытыми дверями, особое страдание приносил им запрет на причастие, возможность исповедоваться и получить отпущение грехов. Но и Хильдегарда не отступала: она обратилась за помощью к своим друзьям; она написала архиепископу Майнца, находившемуся в Риме. Собрав последние силы, она приезжает в Майнц и со слезами на глазах молит снять интердикт. Но у бюрократии всех времен и народов всегда одно и то же каменное сердце и непробиваемая логика. На прелатов Майнца не подействовали ни слезы старой женщины, ни ее ссылки на видения. Понимая серьезность ситуации, друзья аббатисы собрали всех имевшихся свидетелей. Давний добрый друг аббатисы, архиепископ Кёльна Филипп, появился в Майнце с другом умершего, с тем самым рыцарем, который когда-то вместе с ним был отлучен от церкви, а позднее получил вместе с умирившим отпущение грехов. В Майнц прибыл и священник, клятвенно засвидетельствовавший акт прощения. Казалось, справедливость восторжествовала, прелаты приняли доказательства к сведению и позволили возобновить богослужение в монастыре. Однако бюрократическая машина, приведенная однажды в действие, не может сразу остановиться. В свое время прелаты написали письмо архиепископу Майнца, принимавшему участие в Риме в синоде, где изложили дело об интердикте в Рупертсбергском монастыре в выгодном для себя свете. И вот теперь после того, как свидетели заставили педантичных прелатов отступить, пришел долгожданный ответ архиепископа из Рима, подтверждавший то давнее, первое постановление прелатов. Надо было иметь железную волю Хильдегарды, ее убежденность в необходимости выполнить свою миссию Божией избранницы до конца, чтобы не сломаться, не прийти в отчаяние, а снова взяться за перо и писать архиепископу Майнца в Рим, чтобы снова ждать, бороться и победить. Наконец, она получает письмо от архиепископа из Рима, где он снимает с общины Рупертсберга интердикт и просит простить его за невольно принесенные страдания.

Обо всех рассказанных выше событиях мы узнаем из писем Хильдегарды прелатам и архиепископу Майнца, написанных в последний год ее жизни. Примечательно, что эти события прились на самый конец ее жизни, прожитой на едином дыхании. Казалось, она была призвана наисовершеннейшим образом доказать окружающим, что их идеал о бескорыстном, простодушном и мудром простеце – не просто мечта. Перефразируя известные слова одного большого писателя и человека о другом писателе, имевшем репутацию народного заступника¹¹ можно сказать, что современники Хильдегарды считали, что они не сироты, пока жива и молится за них эта женщина: «Она же, мать и руководительница, <...> расточает себя в любви ко всем. Высокомерие греховное, столь часто из почетной должности возрастаемое, растаптывает она тяжестью смирения своего. Она подает испрашиваемые советы, разрешает тяжкие вопросы, к ней поставленные, пишет книги, наставляет сестер, выпрямляет грешников, к ней приходящих, и в сим всецело обремененная пребывает. Невзирая на тяготы лет и недужность, творит упражнением в добродетели столь великое, что многое они купно с апостолом изречь могли бы примера ради: «Я стала всем для всех» <...> [с. 233].

Словами ученого монаха Виберта из Жамблу, выразившего то, что думали о Хильдегарде ее современники, мы хотим закончить рассказ о ее днях и трудах.

Что же можно сказать в заключение о Хильдегарде? Наш рассказ о Хильдегарде – рассказ во многом неполный, скорее первое знакомство с ней – приближается к концу. Так что же побуждает писать о ней? Чем объясняется тот огромный интерес к личности рейнской аббатисы? Что привлекает в ней людей XXI века? Хильдегарда – выдающаяся женщина Средневековья? Хильдегарда – автор грандиозных теологических трудов, воссоздающих картину мира человека того времени? Хильдегарда – естествоиспытатель и врач, автор замечательных музыкальных и поэтических произведений? Да, конечно, все это важно.

Юбилей Хильдегарды в 1978 году показал непрерывно возрастающий интерес к ее личности и творчеству; он явился своеобразным введением более широких празднеств, 900-летия со дня ее рождения. Состоявшийся осенью 1994 года в Католической Академии им. Рабана Мавра международный симпозиум, посвященный Хильдегарде, подтвердил, что ученые Европы, Америки, Австралии интенсивно занимаются изучением теологических, историко-социальных, литературных, музыкальных аспектов ее трудов. В процесс освоения вовлекаются все новые страны. В то время как японцы только открывают ее для себя, в университете штата Индиана уже много лет существует общество по изучению ее творчества. Выверяются тексты Хильдегарды, пишутся научные статьи и диссертации.

Безусловно, все вышеназванное свидетельствует о закономерности общественного интереса к трудам рейнской аббатисы, но все же не отвечает на вопрос, почему юбилей Хильдегарды становится торжеством не для узкого круга специалистов; нет, он находит отклик в широких слоях европейского и мирового сообщества. Приведенные выше характеристики, говорящие о значительности фигуры Хильде-

¹¹ М. Горький в воспоминаниях о Л.Н. Толстом.

гарды, – лишь часть истины. Другая половина ее состоит в удивительном обаянии, исходящем от ее личности, удивительном, потому что она соединяет в себе мощь интеллекта и масштабность чувств, так импонирующих человеку нашего времени, с разумным пониманием своих границ, с благоговейным отношением к таинству, к неразгаданному. Последнее для Хильдегарды есть сфера Божественного, находящегося за пределами человеческого постижения.

Своей жизнью Хильдегарда показала, что в любой эпохе можно отыскать человеческую меру и оказаться нужной и полезной всем. В ее мире было место всему: и Божественному, и человеческому. В век всеобщей религиозности, обладая к тому же необычным даром, таким актуальным в те времена, она была последовательной противницей крайностей в проявлении религиозных чувств. Она провела всю свою жизнь в монастыре, казалось бы, вдали от мирских забот, но вряд ли можно найти другую личность в XII веке, столь богатом на разнообразные человеческие лики, которая была бы так неразрывно связана с жизнью всего общества, была бы «своей» и в замках, и в хижинах. Она писала теологические труды, вела переписку с выдающимися личностями Европы, но в глазах своего времени она являла «вживе» прежде всего идеал простоты, бескорыстной заступницы людской перед Богом. Преклонение и восхищение вызывала не ее «мудрость», а то, что она – большая, неученая женщина – была избрана Небом «глаголь истину», «врачевать» душу и тело. Этот человеческий аспект в ее жизни и творчестве делает Хильдегарду близкой людям XXI века.

Конечно, вхождение Хильдегарды в широкий контекст современной культуры происходит постепенно. Наше время еще только начинает осваивать Богатство ее идей и образов, оно еще как бы в спешке примеряет наследие Хильдегарды на себя. Бум вокруг «медицины Хильдегарды» в 60–70-е годы; шум менеджеров от поп-музыки вокруг ее имени в 90-е, когда пластинки с духовными гимнами аббатисы неоднократно возглавляли хит-парады в Америке и питали поп-музыку в Германии, – все это, отражая в определенной степени разнообразный интерес к Хильдегарде, еще не раскрывает ее подлинного значения для культуры нашего времени.

В свое время она сделалась «для всех всем», но и в наше время, спустя девять веков, она не оставляет людей равнодушными. Ее жизнь и книги по-разному, но всегда задевают за живое всех – ученых-специалистов и людей, далеких от отвлеченных проблем; зрелое поколение и молодежь. Это самое верное доказательство того, что средневековой аббатисе удалось постичь некую истину, одинаково важную и для ее века, и для наших дней. Повторим мудрые слова И.В. Гёте, сказанные им в «Завете»:

«Издревле правда нам открылась,
В сердцах высоких утвердилась.
Старинной правды не забудь».
(Пер. Н. Вильмонта)

Не забыть, не растерять, не отказываться от добытой многими поколениями «старинной правды», постоянно пытаться осмыслить то, что уже когда-то утвердилось в «сердцах высоких» – таков смысл духовного существования человечества. Свою долю истины о человеке и мире доносят до нас жизнь и труды выдающейся женщины XII века Хильдегарды Бингенской.